

ОСТРЫЕ УГЛЫ

— Валерий Сергеевич, ваши знакомые, зная о дневнике, наверное, очень насторожено с вами общаются?

— Иногда мне кажется, что некоторых откровенных бесед я лишился. Но, я заметил, большинство людей к своим словам довольно безответственно относятся, и фраза, сказанная впроброс, невзначай, как бы между прочим, для внимательного летописца откроет больше, чем развернутый монолог. А от коллег я слышал что-то вроде: «Не ходите к Гоголю, он вас описывает».

— У них есть на то основания.

— Люди очень близко все воспринимают. Но я хочу особо подчеркнуть: записи в дневнике — это мои личные впечатления, попытка взглянуть на проблемы, события и людей со своей «кошки зрения» — не более. Вот сейчас вы уйдете, я запишу в дневник свое впечатление, и конечно же, это будет не полный ваш портрет, а лишь отдельные черты. Кто-то видит вас по-другому, но меня больше устраивают выходящие острые углы. Взять книгу Любимова. Начальник и подчиненный смотрят на происшествие с разных сторон. Чаше с противоположных. И что видно одному, другому невдомек.

— Любимов тоже ведет дневник?

— Нет, это мемуары. Люди принимают за них спустя значительный промежуток времени, когда сами они уже далеко не те, и отношение к событиям изменилось. Я это на себе замечаю. Когда меня бесконечно расспрашивают об одном и том же факте, я уже начинаю его интерпретировать немного по-другому. Порой меня даже ловят корреспонденты: «А у вас, Валерий Сергеевич, в дневниках не так написано». Я давно заметил, что человеку свойственно свою биографию корректировать. А дневник не скорректируешь. Это документ.

— Почему же тогда вы назвали «Таганский дневник» романом?

— Из-за большой временной протяженности, количества действующих лиц и событий.

ТАКОЙ УЧЕБНИК

— На презентации книги вы сказали, что дневников у вас уже накопилось более 80 общих тетрадей, а в книгу вошло лишь около десяти. Следует ли ожидать продолжения публикаций?

— Когда вышла моя первая книжка о Высоцком, я, честно говоря, думал, что другие фамилии в моих дневниках интереса не вызовут. Но ошибся. Киевское издательство «Ренессанс», выпустив книгу «Мой Эфрос», заинтересовалось моими дневниками и теперь печатает их отдельными томиками — в каждый входит не более трех тетрадей. Скорее всего это издание будет наиболее полным и последовательным вариантом дневников. Для меня важно, чтобы все это сохранилось.

— Свою лепту в российскую театральную историю вы уже внесли...

— Женя Миронов, прочитав «На плахе Таганки», сказал, что это потрясающий учебник для актеров. Как сис-

Валерий ЗОЛОТУХИН:

НА СПОР Я НАПЕЧАТАЛСЯ
В «ПЛЕЙБОЕ»

Когда Юрия Любимова спросили, что он думает о том, как его описывает в своих дневниках Валерий Золотухин, maestro пошутил: «Опысывает!» Имея в виду действие, совершаемое фонтанирующим мальчиком. Да и многие коллеги артиста признавались, что подчас боятся читать литературные описания Золотухина, опасаясь найти в них не очень-то лестные для себя строки. Действительно, автор настолько откровенен, что иногда создается впечатление, что он ради красного словца не пожалеет и отца. Однако справедливости ради скажем, что больше всего он не жалеет себя.

тема Станиславского. Но система — это теория, а здесь — практика. На протяжении десятков лет актер методично фиксирует все, происходящее с ним, театром, коллегами. Как скрытая камера.

НЕОКОНЧЕННЫЙ
РОМАН

— Что вас сейчас больше всего занимает, какие творческие планы вынашиваете?

— У меня сейчас такой период, что я размышляю и философствую. Чувствую, что надо наконец бросить все и закончить роман «21-й километр».

— О чем он?

— О жизни, смерти и любви.

— Почему такое название?

— На 21-м километре мой герой объяснился в любви. Потом у 21-го столба он сгорел ее фотографии, затем откопал... С числом 21 в моей жизни много связано, это день моего рождения. Работаю над романом давно, и порой мне кажется, что я никогда его не закончу, если не заключу с каким-нибудь издательством договор. Получишь аванс — хочешь не хочешь, будешь работать.

— Ваша «лень» скорее от

того, что вы человек не нуждающийся, нет сильного материального стимула.

— Наверняка. Невольно вспоминается проигравшийся в пух и прах Достоевский. Денег нет, аванс израсходован, сроки поджимают. Один выход — сиди и диктуй роман стенографистке. У него же не было ни Театра на Таганке, ни антрепризы Трушкина. Шутка, конечно, но факт остается фактом: в житейском благополучии человек не так проливает свою энергию, как на голодный желудок. Думаешь, а ладно — роман не убежит, отдам-ка я пока главу в «Плейбой».

— Учитывая специфику этого издания, возникает вопрос: неужели ваш роман с эротическим уклоном?

— И с эротическим, и с криминальным. Все есть. А насчет «Плейбоя» у меня был спортивный интерес. Когда моя учительница мне говорила: «Не буду считать тебя писателем, пока не напечатался в «Огоньке». Такая планка у нее была. Прошло время, в «Огоньке» я напечатался, а тут узнаю, что самый высокий в мире гонорар среди журналов платит «Плейбой». В нем печатались Хе-

мингуэй, Набоков, Фицджеральд, Воннегут. Я и подумал: забабахай-ка я себе в биографию и такой кол. И напечатался. Выиграл спор, и не только с самим собой.

НИ ВОЙНЫ,
НИ МИРА

— Я смотрю, у вас все забыты литературные. О театре пока ни слова. Вас работа в театре не удовлетворяет?

— Почему же? Я играю много. Недавно премьера была — «Театральный роман», потом «Доктор Живаго». Это на Таганке. А в Театре Антона Чехова занят в «Цене» Артура Миллера и «Кине IV» Григория Горина. Так что мой актерский голод удовлетворен. Начал репетировать в «Фаусте» Гете, который Юрий Любимов ставит к 23 апреля — очередной годовщине театра, но проблема с ногой выбила из колеи на некоторое время.

— У Юрия Петровича осенью юбилей — 85 лет. Как он себя чувствует?

— Отлично. Работает в полную силу.

— А соседи ваши как живут? Я имею в виду «Содружество актеров Таганки».

— Понятия не имею.

— Нет намеков на примирение?

— Что значит примирение? И самой-то вражды нет.

— Тогда скажем по-другому: мысль вновь объединиться не возникает?

— Оскорбление, нанесенное Юрию Петровичу, столь велико, что речи об этом нет. Наш театр и так живет вполне благополучно. Нас постоянно приглашают. Только что были на гастролях в Гонконге, через месяц вылетаем в Южную Корею и Японию.

— Кто бы мог подумать, что оппозиционный театр когда-нибудь станет столь благополучным.

— Люди пытаются сравнивать нынешнюю «Таганку» с той — прежней. Это ошибка. Сейчас все другое — время, общество, люди. Наш зритель «другие видит сны». Но позволю себе заметить, что Театр на Таганке, кроме политического противостояния, отличала еще и высокая художественность. Вспомним «А зори здесь тихие...», в которых никакой оппозиции к власти не было. А «Пугачев»? А «Гамлет»?

О ВЕРЕ

— Вы верующий человек?

— Да. Во всяком случае пытаюсь быть таковым. Мы же все — тростник на ветру. Болтаемся. Нет стержня. По-

ка с нами или нашими близкими не случится беда, ни о чем не задумываемся. Я — грешный человек, но вера дает мне надежду и опору.

— А как же сочетается вера в Бога и роль Мефистофеля?

— Во-первых, на данный момент я выбыл из игры, и, может быть, на то есть воля Божья. А во-вторых, я думаю, что не стоит наши заблуждения и суеверия приписывать Богу. У Гете, кстати, Мефистофель берет у Бога мандат на свои эксперименты. То есть действует с Его согласия. Играй хорошо, и тем будешь исполнять волю Божию.

— А вас не смущает, что церковь отрицательно относится к актерской профессии?

— Мой старший сын — священник. Как-то раз мы с ним затронули этот вопрос. «Папа, — сказал он мне, — твое актерство — это топор. Им можно строить, а можно и разрушать. Спектакль «Цена», к примеру, божественный. Потому что ты и твои партнеры создаете. Вы влияете на души зрителей, заставляя их быть лучше. А вот в фильме «Бумбараш» тебе красный командир говорит: «Молись своей бандитской Богоматери!» Этого можно было избежать».

Еще церковь опасается, что актер, перевоплощаясь в другого человека, теряет свое «я». Я вам как актер скажу: изображая на сцене другого человека, я не перестаю быть Валерием Золотухиным.

ПОКАЯНИЕ

— В своем родном селе вы задумали построить храм. Как продвигаются дела?

— Это очень большая для меня вопрос. Помимо моей убежденности, что храм необходим, еще одной посылкой для его строительства стало желание как-то искупить грех отца, имевшего, как рассказывают, прямое отношение к разрушению старого храма.

По своей наивности я думал, что храм поднимется миром. Но оказывается, никогда церкви не строились только на народные деньги. Народ собирал, но это имело скорее символический смысл. Для меня, например, самым дорогим пожертвованием стал рубль, который принес маленький мальчик. Но на него, как понимаете, храм не возведешь. Требуется капитал.

В начале девяностых мы успели заложить потрясающе прочный фундамент. Как под пирамиду Хеопса. Но потом в стране все пошло наперекосяк — инфляция, дефолты. Строительство заморозилось. Я стараюсь сделать все, что в моих силах. Хожу по губернаторам и влиятельным лицам, а в прошлом году совершил большую творческую поездку по Алтаю и весь сбор отдал на храм.

— Для вас это важно?

— Очень. Роман «21-й километр» имеет подзаголовок, а главное, несет сверхзадачу — покаяние. Это будет роман-исповедь человека, подводщего итог своей жизни. И храм — тоже ветвь моего романа. Я думаю, мне нужно сейчас уйти от всего сиюминутного, суетного и не предпринимать ничего серьезного, пока не допишу роман и не построю храм.

Встречался
Андрей ДМИТРИЕВ